

С МУЗЫКОЙ — В СЮЖИЗНЬ

Голос удивительной красоты и силы то взвивался вверх, то плавно спускался, поражая блестящими низами. Сквозь скрежет старой граммофонной пластинки пробивались полные глубокого чувства, тончайших переливов настроения трели. Пел Джаббар Карягды, которого современники сравнивали то с Эрико Карузо, то с Беньямино Джильи. Поэт, создатель чарующих мелодий, педагог вокала, наставник многих композиторов, Джаббар Карягды — это целая эпоха в азербайджанской культуре. О нем — этот рассказ.

Шушу называют колыбелью музыки и поэзии, консерваторией Востока. И недаром. Здесь родились и выросли многие замечательные деятели искусства, составившие славу и гордость не только Азербайджана, но и всего Закавказья. Видимо, сама атмосфера города, наполненного музыкой и в праздники, и в будни, воспитывала людей, помогала раскрыться талантам, на всю жизнь связывала их с искусством. Появился же на свет афоризм Сергея Есенина — «Если не поешь, значит, ты не шушинец».

Джаббар Карягды, как и многие шушинцы, пел с детства, имел своих почитателей как среди сверстников, так и взрослых. Когда ему исполнилось 16 лет, представилась возможность спеть на одном меджлисе, где собрались знаменитые музыканты. Это был тот счастливый случай, когда неожиданно раскрылись незаурядная одаренность юноши, его не по годам глубокое знание вокальных традиций. Сказались также уроки в школе известного ханенде Харрата Кули, старшего брата Мухаммеда, — прекрасного певца.

Это было более ста лет назад, но память многих шушинцев, из поколения в поколение передающих были и легенды города, сохраняет все подробности того самого меджлиса, на следующее утро после которого сын красильщика Мешади Исмаила проснулся знаменитым. Его поперебой звали на различные празднества. Вскоре Джаббара стал приглашать выдающийся азербайджанский драматург Абдурагимбек Ахвердов на «восточные концерты», которые устраивались в театре Хандемирава. Любители музыки — кузнецы, башмачники, лудильщики, портные — собирались со всего города в то место, где должен был петь Джаббар. Искушенных слушателей привлекало то, что молодой ханенде не просто подражает лучшим знатокам мугамата, но тактиче-

но и тонко привносит в древнее искусство свежие и неожиданные краски.

Джаббар Карягды формировался в благодатной музыкальной атмосфере, где расцветало творчество Гаджи Гуси, Арсена Ярамышева, Мешади Иси, Авака Тарханова, Григора Меликова, Ованеса Ованесова, Кештазлы Гашима, Шахсенем оглы Юсифа и многих других.

К новой звезде потянулись лучшие музыканты — составилось трио, в которое вошли тарист Курбан Примов, кеманчист Саша Оганезашвили. Замечательный ансамбль, пропагандируя классическую музыкальную культуру Азербайджана, выступал во многих городах России, Средней Азии, Закавказья, Ближнего Востока, Западной Европы. И везде — успех, горячие признания.

Акционерные общества «Граммфон», «Спорт-рекорд», «Экстрафон» записывали голос «великого ханенде из Шуши», как говорилось в одном каталоге, наживая на этом большие капиталы. Певец и его товарищи неоднократно по приглашению этих фирм выезжали на записи в Варшаву, Москву, Киев. Это были самые первые записи в истории искусства Востока.

Событием стало каждое выступление Джаббара Карягды в Баку, в театрах Тагиева и Маилова, на «восточных концертах». Газета «Каспий» свидетельствовала о том, что «бакинцы проявляют огромный интерес к его концертам». Мастерством певца восхищались выдающиеся деятели азербайджанской культуры — Н. Б. Везиров, Сабир, Дж. Мамедкулизаде, Н. Нариманов... В доме Джаббара Карягды после его переезда в Баку бывал великий русский певец Федор Шаляпин. С наслаждением слушал Джаббара Карягды Сергей Есенин, называвший певца «пророком музыки Востока».

Тенор Джаббара Карягды с его гибкостью, широким, в три октавы диапазоном, чарующим, нежнейшим тембром был действительно уникальным явлени-

ем. Многие профессора вокала Москвы, Петербурга, Варшавы поражались беспредельными возможностями певца, виртуозным воспроизведением непривычных для европейского уха гортанных нот, специфических вокальных грелей — «зянгула», блистательным каскадом мельчайших украшений.

Певец был убежден, что истинный художник должен не развлекать людей, а воспитывать их. И сам был в этом примером. Его редкостное техническое мастерство было подчинено раскрытию души музыки, глубокого смысла произведений. Джаббар Карягды не имел себе равных в исполнении мугамов «Хейраты», «Мансурия», «Махур», «Курд-Шахназ» и других. Голос его, по свидетельству выдающегося ханенде Сеида Шушинского, был подобен «все сметающему на своем пути мощному горному потоку». Проникновенным лиризм отличалось его исполнение старинных народных песен. Газели Низами, Физули, Сакира, Натаван, Ширвани в его исполнении обретали особую тонкость и одухотворенность.

Джаббар был всегда среди представителей прогрессивной интеллигенции Азербайджана, всей своей деятельностью приближавших победу революции. И когда она совершилась, шестидесятилетний певец с молодой энергией вместе с Узеиром Гаджибековым, Муслимом Магомаевым, Бюль-Бюлем, Шевкет Мамедовой, Курбаном Примовым и многими другими боролся за утверждение в Азербайджане социалистического музыкального искусства. Он выезжал с агитпоездами в районы республики, выступал на промыслах и заводах.

В новых условиях ярко и полно раскрываются разные грани таланта Джаббара Карягды. Он был в числе основателей «восточной консерватории», обновив при этом незаурядные организаторские способности. Его высокое педагогическое мастерство позволило создать целую школу народного пения.

«Бакинский рабочий» писал в марте 1938 года: «Из-за отсутствия нотных знаков до революции народные певцы и музыканты были вынуждены запоминать много песен и мелодий. Прекрасным примером феноменальной музыкальной памяти народных певцов мо-

жет служить патриарх наших ханенде народный артист республики 80-летний Джаббар Карягды. Это живая энциклопедия азербайджанского музыкального фольклора...».

Своими знаниями певец приходил на помощь профессиональным композиторам. Автор оперы «Шах Сэнэм» Рейнгольд Глиэр признавал: «Почти все использованные в опере напевы являются старинными песнями и сообщены мне Джаббаром Карягды». Певец открывал целые пласты музыки перед Узеиром Гаджибековым, Муслимом Магомаевым, Арамом Хачатуряном, Ниязи, Фикретом Амировым, Сеидом Рустамовым. И композиторы с голоса певца записывали народные мелодии. 30 таких песен записали на ноты и опубликовали Узеир Гаджибеков и Муслим Магомаев, 50 народных песен записал Сеид Рустамов. Около 300 народных песен и теснифов записал на фоновалик Бюль-Бюль, возглавлявший научно-исследовательский кабинет народной музыки в консерватории.

Джаббар Карягды, постоянно живущий в музыке, просто и безыскусно складывал собственные песни. Слушатели принимали их за народные, и скромный автор считал это наивысшей оценкой своего творчества. Вместе с тем он сочинял музыку и стихи на современные темы. Большую популярность в народе завоевали песни «Баку», «Бей, молоток!», «Басти» (о мастере хлопка Багировой), созданные и впервые исполненные Джаббаром Карягды.

* * *

Мне, почти три десятилетия собирающему документы, воспоминания о Джаббаре Карягды, хотелось не просто рассказать о великом сыне азербайджанского народа. Мне хотелось бы призвать читателей подумать о том, что можно сделать для популяризации искусства Джаббара Карягды. Мне кажется, нужно открыть в Шуше мемориальный дом-музей Джаббара Карягды с тем, чтобы превратить его в центр пропаганды народной музыки. Думается, следовало бы организовать конкурс исполнителей — ханенде имени Джаббара Карягды, главным критерием которого была бы чистота искусства народного пения, верность традициям. Хорошо было бы уникальные записи, сделанные еще в начале века, отреставрировать (как пластинки с записями голоса Шаляпина) и выпустить массовым тиражом. Наверное, именем певца можно было бы назвать музыкальное училище или школу.

Яркая жизнь Джаббара Карягды должна активно продолжаться и в наши дни...

Фиридун ШУШИНСКИЙ,
музыковед.